

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ЛИТЕРАТУРЕ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА ЭНГЕЛЬСА С ПАУЛЕМ ЭРНСТОМ

Предисловие Института Маркса—Энгельса—Ленина
Комментарии Ф. Шиллера

Письмо Энгельса к Паулю Эрнсту полностью еще нигде не опубликовано; отдельные отрывки из него напечатаны в статье Энгельса «Ответ господину Паулю Эрнсту» в с.-д. газете «Berliner Volksblatt» от 5 октября 1890 г.

Письмо написано по поводу полемики на страницах журнала «Die Freie Bühne» между двумя молодыми писателями раннего немецкого натурализма — Германом Баром и Паулем Эрнстом, только недавно пришедшим к социал-демократической партии.

Предметом полемики служил женский вопрос в драмах Ибсена. Письмо Энгельса, являющееся ответом на запрос Эрнста по поводу полемики, представляет собой один из лучших анализов Энгельса на конкретном литературном материале; оно направлено прежде всего против механистической литературоведческой концепции Эрнста и против его вульгарно-эклектической трактовки социальной категории «мещанства». Как метко Энгельс определил методологическую путаницу Эрнста, при которой исторический материализм превращается в свою противоположность, в идеализм, показывает дальнейшее развитие этого «марксиста»: в 1890—93 гг. Эрнст занимал неустойчивую позицию в партии, сочувствовал мелкобуржуазным, анархоиндивидуалистическим лидерам оппозиции «молодых», затем вышел из партии, сделался главой «неоклассической» идеалистической школы в литературе, а сейчас является фашистским писателем. А тогдашний его оппонент, Г. Бар, также сделался националистом и мистиком.

Письмо Энгельса не потеряло своей актуальности и поныне, когда против марксистско-ленинского литературоведения выступают всякие механистические и эклектические «теоретики».

Институт Маркса—Энгельса—Ленина

Лондон, 5 июня 1890 г.

Милостивый государь,

К сожалению, я не могу исполнить вашей просьбы — написать вам такое письмо, которое вы могли бы использовать против г. Бара. Это втянуло бы меня в открытую полемику, для которой мне пришлось бы буквально украсть у себя время. Поэтому то, что я вам пишу, предназначено только лично для вас.

К тому же я совершенно не знаком с тем, что вы называете скандинавским женским движением, знаю только несколько драм Ибсена и абсолютно не представляю себе, в какой мере можно считать Ибсена ответственным за более или менее истерические [стремления более или менее зрелых норвежских дев] бдения буржуазных и мещанских карьеристок.

Да и вся область, которую привыкли называть женским вопросом, так обширна, что в пределах письма невозможно высказать о ней ничего исчерпывающего или даже хоть сколько-нибудь удовлетворительного. Но несомненно, во всяком случае, одно, — а именно, что Маркс не мог «стоять на точке зрения», которую ему приписывает г. Бар. Для этого он бы должен был быть сумасшедшим.

Что касается вашей попытки проанализировать вопрос материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что он поймал вас на месте преступления, то мне кажется, что у него есть на это кое-какие основания.

Всю Норвегию и все, что там происходит, вы подводите под категорию мещанства, а затем, не обвиняясь, приписываете этому норвежскому мещанству то, что считаете характерным для немецкого мещанства. Но тут помехой являются два обстоятельства.

Во-первых, когда во всей Европе победа над Наполеоном ознаменовала собой победу реакции над революцией, и лишь на своей родине, во Франции, революция еще настолько внушала страх, что из рук вернувшейся легитимной власти была вырвана буржуазно-либеральная конституция, Норвегия сумела завоевать себе конституцию более демократическую, чем все, существовавшие тогда в Европе.

И, во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия пережила такой расцвет в области литературы, каким не может гордиться ни одна страна, кроме России. Считать ли их мещанами или нет, но во всяком случае норвежцы создают гораздо больше духовных ценностей, чем другие нации, и накладывают свою печать также и на другие литературы, в том числе и на немецкую.

Если вы взвесите эти факты, то должны будете признать, что они не вполне совместимы с включением норвежцев в категорию мещан, и притом мещан чисто немецкого пошиба; по моему мнению, факты эти обязывают нас точнее определить специфические особенности норвежского мещанства.

И вот вы, вероятно, найдете, что тут обнаруживается большая разница. В Германии мещанство является плодом неудавшейся революции, прерванного и задержанного развития; оно получило свой своеобразный и резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой-бы то ни было инициативе благодаря Тридцатилетней войне и следующей за ней эпохе, когда все остальные крупные народы переживали бурный рост. Характер этот немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германию снова подхватил поток исторического развития; он был достаточно силен, чтобы наложить свою печать и на все остальные общественные слои Германии в качестве всеобщего немецкого типа, пока, наконец, наш рабочий класс не прорвал эти узкие рамки. Немецкие рабочие как раз в том отношении являются самыми яркими «отрицателями отечества», что они сбросили с себя немецкую мещанскую ограниченность.

Таким образом, в немецком мещанстве надо видеть не нормальный исторический этап, а доведенную до предела карикатуру, образец вырождения [подобно тому как польский еврей является карикатурой на евреев. Оно классично лишь в лице предельно очерченной и утрированной мелкой буржуазии]. Английский, французский и т. д. мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

С фотографии (1889 г., Лондон), хранящейся в музее Института Маркса и Энгельса

Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия с небольшой примесью средней буржуазии — какими они примерно были в Англии и во Франции в XVII веке — в течение ряда столетий представляют собой нормальное состояние общества. Здесь не может быть речи о насильственном возвращении к устарелым этапам развития из-за неудавшегося крупного движения и из-за кокой-нибудь Тридцатилетней войны. Вследствие своей изолированности и природных условий страна отстала, но общее ее состояние все время соответствовало производственным условиям и благодаря этому было нормальным. Лишь в самое последнее время в стране спорадически появляются начатки крупной промышленности, но для самого могучего рычага концентрации капиталов — для биржи — тут нет места; к тому же консервирующее влияние оказывает огромный размах морской торговли. В то время как повсюду в других государствах пароход вытесняет парусные суда, Норвегия все увеличивает свое парусное судоходство и обладает если не самым крупным в мире, то вторым по величине парусным флотом, принадлежащим главным образом мелким и средним судохозяевам. Так или иначе это внесло движение в старое застойное существование, и движение это, повидимому, отражается на расцвете литературы.

Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это обстоятельство — как и в Кастилии — накладывает свою печать на все развитие. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — настоящий человек по сравнению с жалким немецким мещанином. Точно так же норвежская женщина из мелкобуржуазной среды стоит неизмеримо выше немецкой мещанки. И каковы бы ни были недостатки ибсеновских драм, в них все же отражен — хотя и маленький, среднебуржуазный, — но неизмеримо выше немецкого стоящий мир, в котором люди еще обладают характером, способны к инициативе и действуют самостоятельно, хотя часто и причудливо с точки зрения иноземного наблюдателя. Все это я считаю нужным основательно изучить, прежде чем выступать с своим суждением.

Возвращаясь снова к тому, с чего я начал, т. е. к г. Бару, я должен сказать, что меня удивляет, до какой степени всерьез принимают друг друга современные немцы. Остроумие и юмор, повидимому, более чем когда-либо стали запретными в Германии, и [даже евреи как будто направляют все усилия, чтобы поглубже скрыть свое природное остроумие] скучный тон сделался гражданским долгом. Иначе вы, несомненно, несколько внимательнее рассмотрели бы «Женщину» г. Бара, которая лишена всех «исторически развившихся» черт. Исторически развилась ее кожа, ибо она должна быть белой или черной, желтой, коричневой или красной, — следовательно, не может быть человеческой кожей. Исторически развились ее волосы — курчавые или волнистые, кудрявые или прямые, черные, рыжие или белокурые. Следовательно, в человеческих волосах ей отказано. Что же остается, если отнять у нее вместе с кожей и волосами все исторически сложившееся и перед нами «предстанет женщина как таковая»? Просто напросто обезьяна anthropithesa, и пусть г. Бар берет ее — «легко осязаемую и до дна прозрачную» — к себе в постель вместе с ее «естественными инстинктами»¹.

¹ Текст письма Энгельса публикуется по снимку с автографа, хранящегося в Институте Маркса—Энгельса—Ленина. Строки, зачеркнутые Энгельсом, поставлены в квадратные скобки.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 90-Х ГГ.

Публикуемое выше письмо Энгельса к Паулу Эрнсту от 5 июня 1890 г. впервые появляется в печати полностью; оно имеет свою историю, и высказанные в нем методологические замечания, не потерявшие своей актуальности и поныне, станут нам понятнее, если мы исследуем спорные вопросы, обсуждавшиеся в 90-х гг. в марксистском литературоведении в Германии и вызвавшие это письмо, и вскрыем корни тех ошибочных положений, против которых выступает Энгельс.

Прежде всего о дискуссии между Эрнстом и Германом Баром, послужившей поводом для обращения Эрнста к Энгельсу. В конце 80-х гг. молодой германский империализм стремился обеспечить себе при разделе колоний рынки сбыта; это был период превращения Германии мелкого производства в крупно-капиталистическую, империалистическую державу, с одной стороны, а с другой стороны, бурного роста многомиллионной армии пролетариата, организующегося в мощную социал-демократическую партию. Во время закона против социалистов, срок которого истек в сентябре 1890 г., партия не погибла, как на это рассчитывал Бисмарк, а, наоборот, вышла окрепшей и сильной из этой борьбы. Этот рост капитализма повлек за собой сильное ослабление и разорение мелкой буржуазии и ремесленничества. И вот идеологи этих разоряющихся слоев, голодающая бунтарская интеллигенция в городах, часть так называемых ранних немецких натуралистов, сознавая обреченность мелкой буржуазии, примкнула к социал-демократической партии, видя в социализме новое «евангелие» спасения «человечества». Организационно эти литераторы и писатели группировались вокруг основанного в 1889 г. в Берлине Отто Брамом и др. театра «Свободная сцена» и журнала под этим же названием, а наиболее левая часть натуралистов, вступив в с.-д. партию, основала в 1890 г. «Свободную народную сцену», во главе которой стояли Бруно Вилле, Вильгельм Пельше и Юлий Тюрк. Характерно для этих мелкобуржуазных, индивидуалистически-анархистских, анти-авторитарно настроенных интеллигентов, что в программе «Свободной народной сцены» господствующее место занимали такие драмы Ибсена, как «Столпы общества» и «Враг народа», которые как нельзя лучше выражали идеологию этих групп с их вознесением личности над массами, презрением к «стадному» партийному человеку, организованному в строго централизованной рабочей партии. И не случайно, что почти все лидеры анархо-индивидуалистического, путаного бунта в так называемой оппозиции «молодых» 1890—1892 гг. против партийного руководства были представителями этих писательских групп, сплотившихся вокруг «Свободной народной сцены» (Б. Вилле, К. Вильдерберг, Т. Тейстлер, Г. Ландауэр и др.).

К этим «ранним натуралистам» принадлежали тогда еще молодые Бар и Эрнст. Первый только в 1890 г. переехал из Парижа в Берлин и познакомил немецких натуралистов с «последней модой» на берегах Сены, с французскими салонами импрессионистов; его натуралистические драмы «Новые люди» и «Великий грех», прошедшие ранее почти незамеченными, стали теперь пользоваться громадной известностью; молодой, 27-летний австро-немецкий писатель быстро сделал в Берлине карьеру и вместе с Брамом стал соредактором журнала «Свободная сцена» («Freie Bühne»). В то время Бар «кокетничал» с марксизмом, и так как в эти дни переводились старые и каждая новая драма Ибсена и социальные проблемы, выдвинутые великим норвежским драматургом, возбуждали живейшие споры, то неудивительно, что завязалась полемика между Баром, представителем идеологии «Свободной сцены», и П. Эрнстом, бывшим тогда уже довольно известным с.-д. публицистом и чуть ли не официальным интерпретатором Ибсена на страницах главного теоретико-марксистского органа партии «Neue Zeit».

Пауль Эрнст в своих литературно-критических статьях и рецензиях подходил к анализу творчества, в частности творчества Ибсена, типично механистически. В первых, он выводил литературу непосредственно из экономики, несмотря на то, что сам метал гром и молнии на других, грешивших этим, критиков; он ставит знак равенства между социально-экономическим развитием «эпохи» и «идеями времени». Дальше он совершенно механистически понимает взаимоотношения писателя и класса: писатель органически не в состоянии выйти за пределы своей классовой идеологии, он фаталистически вращается только в кругу своих классовых представлений. Так и Ибсен не может выйти за границы идеологии чрезвычайно шаблонно понятой Эрнстом социальной категории «мещанства». «Диалектика мещанна, — пишет он в одной рецензии об Ибсене, — это котенок, кусающий свой собственный хвост: хвост принадлежит котенку, котенок — хвосту» (см. «Neue Zeit» 1890 г., стр. 43). Эрнст совершенно неисторически и отвлеченно подходит к пониманию «мещанства»: у него было свое представление о немецком мещанстве 1890 г., и этот на веки-веков выработанный взгляд он приложил упрощенно, как готовый шаблон, к критике скандинавского, русского и французского мещанства и его писателей, о творчестве которых он помещал рецензии в «Neue Zeit» и в заграничном центральном органе партии — «Социал-демократе».

Непосредственным поводом к полемике между Эрнстом и Баром послужили статьи Л. Маргольм в журнале «Свободная сцена» «Женщины в скандинавской литературе» (построенные главным образом на материале творчества Ибсена и Стриндберга). Они вызвали большую дискуссию, открывшуюся статьей Пауля Эрнста «Женский и социальный вопрос»¹. Возражая против чрезмерного внимания уделяемого в статьях Маргольм элементам чисто биологическим, Эрнст правильно подчеркивает социальный характер женского вопроса и рассматривает женское движение (не только в Скандинавии), как продукт общественного развития. Но вместе с тем он, подводит всю проблематику скандинавского женского движения и его выражения в литературе под категорию немецкого мещанства и видит разрешение женского вопроса в чисто пассивном развитии производственных отношений. «Нет никакого сомнения, — пишет Эрнст, — что женский вопрос будет решен таким же образом, как все «вопросы» — сам собою, простым развитием производственных отношений». Таким образом Эрнст здесь совершенно отрицает значение идеологической борьбы, в частности в литературе.

Против этой статьи Эрнста с резким ответом «Эпигоны марксизма» выступил Герман Бар². Он считает точку зрения Эрнста «типичнейшим документом распада и саморазложения» эпигонов марксизма, превращающих, по его мнению, «критический метод» Маркса в «догматическую аксиому». Он сравнивает Эрнста с автоматом, который, если в него опустить гривенник, сразу же выбрасывает «непогрешимую длинную главу марксистской мудрости». Методу исследования таких «марксистов» (так Бар называет Эрнста и компанию, в отличие от «настоящих марксистов», к которым он однако себя не причисляет) он противопоставляет метод якобы самого Маркса. «Я сейчас не помню, — пишет Бар, — писал ли Маркс что-нибудь о женском вопросе, но я себе ясно представляю его подход к этому вопросу». По мнению Бара, Маркс установил бы признаки, характерные для каждой женщины, и из сравнения этих признаков вывел бы типичное для всех женщин; он установил бы среду, в которой мог и должен был бы развиваться такой тип, а не иной, и в конце концов нашел бы при помощи своего материалистического метода «созидающие причины» в экономической почве, вскрыл бы «вечную связь между материальным базисом и идеологическим отражением». Таким образом, Маркс «уловил бы» в крупной бургерше, мещанке и работнице «ту женщину», из которой экономика оформила эти три различные типа. И дальше Бар пишет: «Для Маркса, как и для Тэна и Золя, человек — кусок мяса. Этот кусок мяса имеет свое выражение — дух. Этот дух подвергается влияниям среды, формирующим и наполняющим его. Таким образом, каждый человек, взятый в отдельности, представляет собою: естественного человека, как он вышел из утробы матери, унаследовав свойства своих физических предков, плюс человека экономического, как он оформился в своих отношениях к природе. Экономический человек всегда оформляет естественного человека». Такова, по мнению Бара, точка зрения Маркса, между тем как эпигоны марксизма отрицают «естественного человека» и признают только «экономического». Сам Бар не согласен ни с «точкой зрения Маркса», им самим сконструированной, ни с «эпигонами». Он считает, что кроме «влияния среды» (экономики) и «наследственности от предков» в каждой женщине следует различать еще «третью женщину» — чистую самку. Эта «третья женщина» и есть, по мнению Бара, подлинная женщина, «женщина, как таковая»; она не подвержена ни экономическим, ни историческим влияниям, и «отсюда только начинается женский вопрос, эта ужасная и убийственная загадка... Поэтому Бар требует, чтобы при «анализе женщины» всегда проводилась четкая грань между «естественными инстинктами» и «исторически сложившимися» свойствами; только при условии вычитания последних можно обнаружить «женщину, как таковую». Вывод Бара: женский вопрос останется «вечной проблемой между мужчиной и женщиной», ибо они «никогда не поймут друг друга, а будут вечно бороться».

Статья Бара появилась в «Свободной сцене» 28 мая 1890 г. И тогда Эрнст обратился к Энгельсу со следующим письмом от 31 мая 1890 г.

«Милостивый государь.

Простите мне, совершенно Вам незнакомому человеку, что я отваживаюсь беспокоить Вас просьбой.

При этом я беру на себя смелость переслать Вам два номера журнала «Свободная сцена». В одном из них помещена моя статья о скандинавском женском движении, а в другом — полемика Германа Бара против этой статьи. Бар упрекает меня в том, что в данном случае я неправильно применил марксистский метод, и во многом другом.

По многим причинам мне хотелось бы знать, правилен ли упрек Бара и думал ли Маркс иначе о женском движении, или, точнее, как он думал бы в данном

¹ Paul Ernst, Frauenfrage und sociale Frage. «Die Freie Bühne», Heft 15, от 14 мая 1890 г.

² Herman Bahr, Die Epigonen des Marxismus. «Die Freie Bühne», Heft 17, от 23 мая 1890 г.

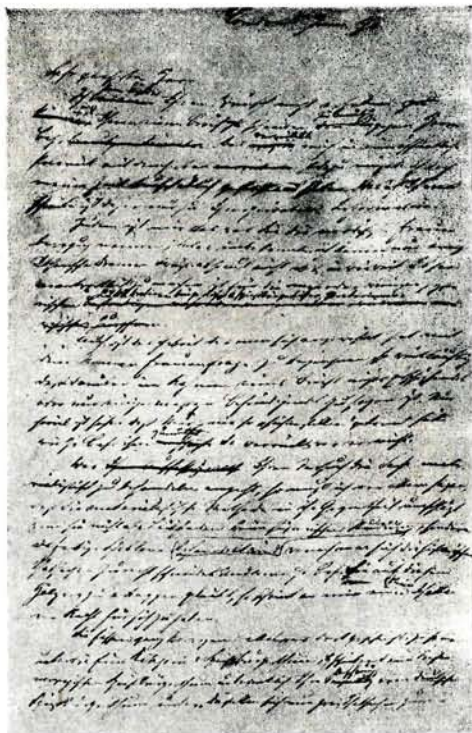
случае. Во-первых, потому, что я защищаю свои взгляды и в других органах (изпр. в «Социал-демократе») и подобные вещи, если они неверны, оказывают вредное влияние; во-вторых, потому, что Бар, как Вы увидите из статьи, обращается со мною с невероятным бесстыдством.

По-моему, Бар вообще понимает все совершенно неверно и делает из женского вопроса половой вопрос. Если помещенный в конце статьи многословный тезис правилен, то он, думаю я, выражает нечто существовавшее еще во времена Адама и Евы. Я считаю это, безусловно, только личным опытом автора. Во всяком случае, это не имеет никакого отношения к женскому вопросу, который возник лишь при определенных общественных условиях. Я вовсе не отличаюсь высокомерием, которое старается приписывать мне Бар: я хочу только действовать практически по мере сил моих. Тем более оскорбительны подобные инсинуации.

Вы бы меня крайне обязали, если бы были настолько любезны и исполнили мою просьбу, сообщив мне в двух строках, совпадают ли мои взгляды со взглядами Маркса, или нет. И, кроме того, разрешили бы мне использовать Ваше письмо против Бара.

С глубочайшим уважением, преданный Вам

Пауль Эрнст.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К ПАУЛУ ЭРНСТУ ОТ 5 ИЮНЯ 1890 г.

С фотоконии, хранившейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина.

На этот запрос последовал вышеприведенный ответ Энгельса; в нем Энгельс указывает на две основных методологических ошибки Эрнста: 1) механистичность его метода и 2) его неисторичность, отвлеченно-шаблонный подход к исследованию классовой детерминированности творчества такого писателя, как Ибсен.

Ошибку Эрнста по первому пункту Энгельс формулирует следующим образом: «Что касается Вашей попытки проанализировать вопрос материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что он поймал Вас на месте преступления, то мне кажется, что у него есть на это кое-какие основания». При этом определении метода Эрнста Энгельс, конечно, имел в виду, — как он это позднее и подтверждает, — не только присланную ему статью в «Свободной сцене». Энгельс, следивший регулярно за «Социал-демократом» и «Neue Zeit», сам сотрудничавший в этих органах, был хорошо знаком с литературно-критическими статьями Эрнста и сделал этот вывод из всей совокупности известных тогда работ своего адресата.

А по второму пункту Энгельс противопоставляет неисторическому, механистическому перенесению представления Эрнста о немецком мещанстве на скандинавское, т. е. на социальные корни творчества Ибсена, глубокий исторический анализ специфических особенностей, отличавших тогдашнее норвежское «мещанство» от немецкого, или от той социальной категории, которая в Германии называлась тогда мещанством. Этот анализ Энгельса является классическим примером того, как марксист должен подходить к такому сложному явлению в литературе, каким было творчество Ибсена, как нужно вскрывать специфичности, сложившиеся в определенном социально-экономическом ходе развития определенного класса, в реальном соотношении классовых сил. Этот анализ социальных корней творчества Ибсена уясняет нам многое из того, что так сильно запутано еще и сейчас буржуазными и псевдомарксистскими исследователями. Резюмируя свой анализ, Энгельс пишет: «Каковы бы ни были недостатки ибсенов-

ских драм, в них все же отображен — хотя и маленький, среднебуржуазный, — но неизмеримо выше немецкого стоящий мир, в котором люди еще обладают характером, способны к инициативе и действуют самостоятельно, хотя часто и причудливо с точки зрения иноземного наблюдателя. Все это я считаю нужным основательно изучить, прежде чем выступать с своим суждением».

Письмо Энгельса, хотя и написанное только «для личного сведения», Эрнст использовал в своей ответной статье Бару¹ следующим образом: «Я бы ответил на статью г. Бара «Женский вопрос» сразу же, — сообщает здесь Эрнст, — но так как он так храбро противопоставляет взгляды Маркса — как Маркс рассуждал бы в данном вопросе — взглядам «марксистов»... то я обратился с запросом к Энгельсу... как Маркс в действительности смотрел бы на этот вопрос. Энгельс был настолько любезен, что ответил мне и подтвердил в подробном письме, что мое понимание вопроса очень близко к пониманию Маркса (!) (разрядка наша.—Ф. Ш.). Но Энгельс не желает опубликования своего письма, чтобы не быть втянутым в полемику с г. Баром, которого он очень боится. Таким образом, я один должен набраться храбрости...» В дальнейшем Эрнст настаивает на своем понимании «женского вопроса» и характеризует точку зрения Бара как «половой вопрос». На этом полемика между ним и Баром, повидимому, закончилась.

Как же реагировал однако Эрнст на общие указания, сделанные ему в письме Энгельса как члену партии, как молодому публицисту, подававшему, по мнению многих, большие надежды? Реагировал он очень своеобразно: когда некоторое время спустя выступила открыто существовавшая уже в то время оппозиция «молодых» против партийного руководства Бебеля-Либкнехта, то Эрнст, хотя и не солидаризируясь полностью со всеми требованиями ультралевых лидеров этой оппозиции, все же примкнул к ней и даже стал редактором берлинской оппозиционно настроенной с.-д. газеты «Народная трибуна». И вот, когда Энгельс в лондонском «Социал-демократе» квалифицировал выступления лидеров оппозиции «молодых» как «бунт студентов и литераторов», Эрнст, а с ним и другие идеологи этой мелкобуржуазно-полуанархической оппозиции против партии, снова повторил свою ошибку, применив к оценке политической ситуации и соотношения классовых сил в стране такой же механистический и неисторический метод, как это им делалось в литературе: правоопportunистические элементы были провозглашены большинством партии, выродившейся, якобы, в мелкобуржуазную парламентскую партию от начала до конца, и если тогдашний центр Бебеля-Либкнехта тоже не был свободен от ряда ошибок, то все же называть его сплошь оппортунистическим было неправильным перенесением ошибок правых на всю партию, означало игнорирование реальной борьбы фракций внутри партии под углом зрения «ультралевой» оппозиции. И вот Эрнст в ответ на письмо Энгельса и на его статью о «молодых» выступает с собственной статьей в оппозиционной газете «Magdeburger Volksstimme» (от 16 сент. 1890 г.), в которой он пишет по адресу Энгельса: «И если Энгельс называет сейчас нашу оппозицию «студенческим бунтом», то пусть он, пожалуйста, укажет, где наши взгляды расходятся с его собственными и Маркса...»¹.

На этот вызов Эрнста Энгельс выступил со статьей «Ответ Паулю Эрнсту»², где он квалифицирует механистический метод Эрнста как общий метод всей путанной, неустойчивой, анархоиндивидуалистической оппозиции «молодых» вообще и пишет: «Что же касается самого г. Эрнста, то мне незачем ему это повторять. Я говорил ему это еще четыре месяца тому назад и должен, хочешь, не хочешь, докучать публике этой моей «серьезной»³ корреспонденцией». Затем он рассказывает, как Эрнст обратился 31 мая с письмом к нему, приводит важнейшие отрывки из своего ответа 5 июня и продолжает: «Здесь, следовательно, я, хотя и в вежливой форме, но тем не менее ясно и определенно указал г. Эрнсту, где (он расходится с Марксом и Энгельсом. — Ф. Ш.) именно — в им самим присланной мне статье в «Свободной сцене». И когда я ему там растолковывал, что он пользуется марксистским методом, как готовым шаблоном, по которому он выкраивает исторические факты, то это как раз пример того «глубокого непонимания» того же самого метода, в котором я упрекал этих господ (т. е. «молодых»). — Ф. Ш.). И если я ему доказываю затем на его собственном примере Норвегии, что приложенный им к Норвегии изготовленный по немецкому образцу шаблон мещанства явно противоречит историческим фактам, то этим самым я уже заранее относил на его собственный счет то «грубое незнакомство» с решающими во всяком вопросе историческими фактами, в которых я также обвинял тех господ. Хочется ли г. Эрнсту

¹ Paul Ernst, Frauenfrage und Geschlechtsfrage. «Die Freie Bühne», Heft 21 от 25 июня 1890 г., стр. 569—570.

² «Antwort an Paul Ernst». «Berliner Volksblatt» № 232, от 5 окт. 1890 г.

³ Непереводаемая игра слов: Ernst означает «серьезно».

еще знать «где»? Ну, напр., в статье в «Народной трибуне» об «опасностях марксизма», где он без многих слов присваивает себе странное утверждение метафизика Дюринга, что будто бы у Маркса история совершается совершенно автоматически, без содействия людей (которые ведь ее делают), и что экономические условия (сами — творения рук человеческих) играют этими людьми, как пешками. И если человек (Эрнст. — Ф. Ш.) способен смешать марксизм с теорией с искажением этой теории таким противником, как Дюринг, — пусть ему помогает другой, — я отказываюсь от этого». И указывая еще раз на ошибочность оценки «молодыми» положения внутри партии, Энгельс подчеркивает политическую опасность метода этих «литераторов», особенно «если они не в состоянии смотреть глазами на самые простые вещи и при оценке экономического или политического положения дел не могут беспристрастно взвесить ни относительного значения данных фактов, ни величины участвующих в них сил».

Таким образом, мы видим, что критика механистического метода Эрнста в письме Энгельса является критикой целой системы ошибок и не только в литературоведении, но и в политике, не только одного Эрнста, но и целой группы антипартийных оппозиционеров; взгляды этой группы на политику и искусство неразрывно связаны между собой. И как «молодые» — после выхода из партии в 1891 г., — упорно отстаивая свой механистический метод, последовательно пришли к ликвидаторству (часть «молодых» стала архи-оппортунистической правой в с.-д. партии, другая стала анархистами) в области политики, выдвигая лозунг исключительно экономической борьбы, — так и в области искусства они стали стопроцентными ликвидаторами.

Пауль Эрнст также не преодолел своих механистических ошибок; его политическая эволюция 1890—94 гг. не только не содействовала их изжитию, но, наоборот, привела его также к «ультра-левому» ликвидаторскому взгляду на искусство: его партийная позиция этих лет была неустойчивой, его идеология — выражением вечно шатающихся мелкобуржуазно-интеллигентских элементов в с.-д. партии. Он продолжал сотрудничать в с.-д. печати, но к своим ошибкам, указанным ему Энгельсом, он прибавил еще новые, и когда в 1892 г. на страницах «Neue Zeit» развернулась большая дискуссия по вопросам искусства, он, хотя и возражал против стопроцентно-ликвидаторской теории Густава Ландауэра, тем не менее склонялся сам к ликвидаторству и «чистому искусству», проповедуя теорию «незанимательности» искусства и резкого разграничения его от политики. Известно также, что в 1892 г. он выступил в «Neue Zeit» с довольно путанной, по существу такой же механистической критикой «Легенды о Лессинге» Меринга.

Это ликвидаторство в области искусства последовательно вытекало из его ликвидаторства в области политики, свойственного в той или иной форме всем этим неустойчивым, мелкобуржуазным теоретикам оппозиции «молодых». Об этом именно и свидетельствует названная полемика в «Neue Zeit». Вот что Густав Ландауэр, бывший тогда редактором «Социалиста», органа «молодых», пишет в своей статье в «Neue Zeit», озаглавленной «Будущее и искусство» (1890): «Все почему-то ждут нового расцвета искусства, нового гения, подобного Гете; но я не лелею этой надежды, или, вернее сказать, больше не лелею. Я не думаю, что ближайшее будущее будет стоять под знаком искусства, и очень жалел бы, если бы все-таки так случилось. Прежде всего, у нас больше нет времени для искусства. Искусство нуждается в покое; мы нуждаемся в борьбе. Искусство на высшей своей ступени «braucht Abgeklärtheit», мы нуждаемся в брожении. Искусство... опирается на прошлое и спокойно созерцает настоящее; мы преклоняемся

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ТОГО ЖЕ ПИСЬМА.
ЭНГЕЛЬСА К ПАУЛУ ЭРНСТУ.

перед будущим и стараемся разглядеть его. Искусство должно быть сытым; мы голодны и хотим пробудить чувство голода. Искусство — субъект, он наблюдает, впитывает в себя; мы живем и действуем, надеемся сделаться достойным объектом искусства позднейших времен; мы хотим быть Ахиллесом; искусство — Гомер. Нужно, наконец, энергично извратиться от болезненной мании прикладывать к вещам мерку, которая им не подходит; говорить о развитии и законах развития, когда нет ничего, что могло бы развиваться. Искусство и литература — отвлеченность, больше ничего, которые не имеют своего собственного развития... Тот, кто сегодня и в ближайшем будущем заботится о немецкой поэзии, не может считаться истинным потомком наших великих гениев. В наше время Гете был бы, может быть, гениальным государственным деятелем, или же родственником Ницше пророком, — это решить невозможно; а Ленау, по всей вероятности, преодолел бы мировую скорбь и сделался горящим страстью социалистическим агитатором».

Итак, литература и искусство только механистическое, спокойное, пассивное отражение развития общественного процесса, которые наилучшие для их развития условия находят во времена спокойствия и равновесия сил, но не в революционные эпохи, не при выступлениях воинствующих молодых классов; поэтому социалистическому движению, рабочему классу в его борьбе за освобождение литература и искусство совершенно не нужны, они вредны, и опять появятся закономерно лишь в социалистическом обществе, когда можно будет безмятежно наблюдать и созерцать прошлое. Ландауэр в этой статье проповедывал ликвидаторство искусства в наиболее последовательной его форме. Но и Эрнст, выступая в «*Neue Zeit*» 1890 года против Ландауэра, утверждает, что искусство существует для того, «чтобы им наслаждались», и «художники должны доставлять нам наслаждение». И если Эрнст раньше, в 1889—1891 гг., признавал еще политическую функцию искусства, то теперь он пишет: «Несомненно, многие художники вышли за пределы этой задачи (т. е. «доставлять нам наслаждение»). — Ф. Ш., и Ибсен, например, хочет не только доставлять наслаждение тому, кто его выслушивает, но и внушить ему определенные социальные взгляды». А для этой цели — по его мнению — лучше обратиться к какому-нибудь специальному исследованию. Ибсен, дескать, вмешался здесь не в свое дело. Тут у Эрнста уже отчетливо выступает кантианское понимание искусства, взявшее в скором времени верх в его дальнейшем развитии.

Такое понимание искусства встречается и у других авторов полемических статей в «*Neue Zeit*» из среды «молодых». Искусство как механистическое «отражение» развития общественного процесса не имеет своих задач и цели, а есть «просто явление» — вот точка зрения этих «ультралевых» ликвидаторов. Таким образом, — поясняют они, — пролетарское искусство возможно только после того, как рабочий класс построит социалистическое общество. Тут «ультралевые» ликвидаторы смыкаются и с правооппортунистическими теоретиками искусства 90-х гг., как вообще и некоторые официальные теоретики тогдашней германской социал-демократии, в частности Каутский, не стояли далеко от подобной концепции. Позже эти взгляды легли в основу эстетики II Интернационала. В советской литературе их проводил Троцкий, пытавшийся этим задержать развитие пролетарской литературы.

Итак, механистические ошибки, являющиеся следствием всего мировоззрения неустойчивых временных «попутчиков» марксизма 90-х гг., ошибки, от которых Энгельс предостерегал в письме к Эрнсту, — именно, что материалистический метод переходит в свою противоположность, если пользоваться им механистически, — привели Эрнста и его сторонников к идеализму. Пауль Эрнст вышел из партии и сделался эстетствующим идеалистом, основателем и главой так называемой неоклассической школы писателей и известным драматургом. А после войны он сделался попутчиком «умеренного» фашизма группы Гугенберга, написал книгу о «крахе» немецкого идеализма, а также и марксизма, в своей же последней вещи (1930 год) проповедует возврат к богу. Его оппонент в 1890 году, австрийский импрессионистский эстетствующий писатель Бар, прошедший все ступени развития буржуазной декадентской литературы от натурализма через символизм к экспрессионизму, также пришел к мистицизму и национализму. И если Эрнст говорит, что он еще и сейчас мог бы сдать марксистский минимум, — до того, якобы, он хорошо овладел в годы своей грешной молодости методом исторического материализма, — то это лишь подтверждает ту оценку, которую дал ему в письме Энгельс, говоривший, что Эрнст считает марксизм шаблоном, механистическим толкованием социального процесса. Куда ведет в конечном итоге такое понимание марксизма — об этом как нельзя лучше говорит эволюция самого Эрнста.

Ф. Шиллер